

Провидение

Автор:

Валери Куонг

Провидение

Валери Тонг Куонг

Что может объединить мать-одиночку, работающую секретаршей и больше всего на свете боящуюся, что ее уволят; известного продюсера, который надеется, что женитьба на капризной красавице позволит ему начать жизнь с чистого листа; немолодого архитектора, которому накануне врач сообщил о смертельном диагнозе; девушку-юриста, которая считает, что черный цвет кожи помешает ей сделать карьеру? Конечно, в обычной жизни у них вряд ли может быть что-то общее. Но судьба, известная баловница и причудница, перетасовала карты и заставила их встретиться в парижском госпитале и каждому из них подарила шанс на счастье.

Валери Тонг Куонг

Провидение

..... Эрику

«Претерпим же все с мужеством: ибо все происходит не случайно, как полагают, но в свое время».

Сенека

Valerie Tong Cuong

PROVIDENCE

© Editions Stock, 2008

© Ефимов Л., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Goodbye Marylou[1 - Название песни известного французского автора-исполнителя Мишеля Польнареффа.]

- Э, только не в моем такси, дамочка. Может, это вы тут будете дерьмо убирать?

Я почувствовала, как бутерброд разломился у меня в руках и кусочек упал на пол. Ну же, ответь ему, Марилу, давай, скажи, что имеешь право поесть и чтобы тебя уважали, скажи этому придурку, что тебе плевать на него - просто плевать, ладно?

За несколько минут движение застопорилось. Почти без четверти два. Таким ходом я обязательно опоздаю.

- Простите, месье, а такая задержка это нормально?

Тип вздохнул, покачав плешивым черепом.

- Ну...

- Я хочу сказать... думаете, мы тут надолго застряли?

- А я что, медиум?

- Нет, конечно. Просто я очень тороплюсь.

Он похлопал пальцем по баранке.

- Как и все.

На мгновение мне вспомнились тысячи призрачных фраз, хлестких реплик, язвительных ответов, оставшихся незримо висеть в воздухе, потому что я на них так и не решилась - все эти гордые, ни разу не выпущенные когти.

На этот раз мы встали намертво. Из машины перед нами вышел мужчина и попытался определить, где пробка.

- Ну, что там за бардак?

- Толком не рассмотреть, - ответил мужчина. - Похоже, грузовик пытался свернуть на пешеходную улицу да застрял на перекрестке. Трудновато ему будет проехать.

- Что за дерьмовый квартал.

Таксист выключил зажигание. Вокруг нас дрожали на солнце выхлопные газы. Без десяти два. Руки влажные, сердце щемит, страшно хочется в туалет. Я тоже не медиум. Однако я вижу свое неизбежное будущее как на гигантском экране. Едва заметив меня, господин Фаркас выскочит из своего кабинета как угорелый. Вырвет сумку у меня из рук и призовет весь этаж в свидетели, завопив: «Только поглядите на эту рохлю, на эту камбалу вареную, на эту дряблую устрицу, не способную даже вовремя ксерокопии сделать!» Потом выхватит папки с документами и в бешенстве бросит мою сумку на пол, а напоследок унижит меня фразой типа: «И слушайте, сделайте с собой что-нибудь, Марилу, вы же потеете, как масло на солнце, надо ведь следить за собой! Спасибо за прекрасный образ нашей компании!»

Не надо быть медиумом, чтобы догадаться: никто и бровью не поведет. Все опустят головы, будут рыться в своих ящиках, притворятся, будто звонят по телефону. Довольные тем, что я у них вместо громоотвода.

Я на них не сержусь: на их месте я и сама вела бы себя не лучше. Я уже давно смирилась с тем, что и в классе угнетенных есть собственная иерархия. Я в самом низу лестницы. «Но все-таки на лестнице», – подчеркнул господин Фаркас в тот единственный раз за десять лет, когда я осмелилась попросить прибавки. «Вы бредите, что ли, Марилу? В каком мире вы живете? Считаете себя обделенной судьбой? Так я вам скажу, что с вашей минимальной зарплатой и пособием матери-одиночки вы получаете в месяц больше, чем квалифицированный рабочий! Осторожнее, Марилу, стоит мне пнуть по стенке, и с потолка полтора десятка таких, как вы, посыплются!»

Он меня пугает, делает мне больно, но он прав: мне еще повезло. Достаточно выглянуть наружу. Взглянуть, например, на эту закупоренную улицу, которая воняет смертью: вон, бомж едва держится на ногах, прикрывает рукой глаза от солнца. Он, наверное, всего-то на пять-десять лет старше меня, а выглядит стариком. Явно одиночка, если упадет, никто им не заинтересуется – и он тоже никем не интересуется. Это моя теория: чтобы выкарабкаться, достаточно чувствовать ответственность за кого-нибудь. И вот вам доказательство: мой Поло и я. Господин Фаркас может сколько угодно выдумывать для меня новые оскорбления, через день выливать кофе, который я ему приношу, дескать, он уже остыл, или слишком крепкий, или слишком слабый; стоит мне с улыбкой подумать о Поло, чтобы обо всем забыть. Или вот, еще лучше, его последнее сочинение: опишите затруднительную ситуацию, свидетелем которой вы были. Мой Поло рассказал, как его учитель французского вел урок в присутствии инспектора из академии[2 - Академия – название учебного округа во Франции, как правило, совпадающего с границами департамента.], в то время как к его зубам прилип кусочек салата. Я ему сказала: «Поло, это скользкая тема, найди что-нибудь другое!» А он говорит: «Нет, где мне найти такую же смешную, особенно если это представить».

На следующий день учитель, краснея, вернул ему сочинение: «Ну и нахал же ты, Поло!» И поставил ему лучшую отметку в классе. Это Поло, мой рай, мое тайное оружие.

– Крепко застряли, я же вам говорю.

Я аж подпрыгнула. Такси не продвинулось ни на сантиметр. Бомж, солнце, стрелки моих часов. Полтора десятка с потолка посыплется, Марилу.

– Я выйду здесь.

– Вот те раз, – сказал таксист, оборачиваясь. – Не очень-то верится. А я, значит, езжай куда хочешь, так, что ли?

На зеркальце заднего вида раскачивалась подвешенная светящаяся фигурка – святой Христофор. Гораздо менее эффективный, чем Поло, это точно. Я добавила из собственного кармана два евро к сумме на счетчике со смутным и знакомым чувством, что я трусиха и при этом дура. Потом побежала зигзагами к входу в метро. Тяжеленная сумка резала плечо. Пять документов по пятьдесят страниц плюс приложения; уж лучше бы я взяла рюкзак – но такие мысли мне всегда приходят в голову слишком поздно.

Господин Фаркас настоял, чтобы встреча состоялась на нашей территории. Начало в пятнадцать часов. Я ничего не знаю о ее цели, кроме загадочной повестки дня, которую печатала сегодня утром, да о напряжении, которое царило у нас в конторе целых два дня, дольше, чем обычно. Начальство шушукалось, размахивая ультранавороченными калькуляторами. Господин Фаркас ходил из угла в угол, сжимая кулаки. Рвал газеты, даже не развернув. Надо сказать, что его там не больно-то жалуют, в этих газетах. Обзывают могильщиком, шкурником, падальщиком, это выводит его из себя. Его компания выкупает предприятия на грани разорения, потом оживляет их и перепродает с большим барышом. Ходят слухи, что он зарабатывает много денег, огромные суммы, и помещает их за границей, чтобы избежать налогов. Поговаривали даже об отмывании денег, о русской мафии – это правда, русских часто встречают в наших коридорах. Наверняка по этой же причине утром на прошлой неделе какая-то маленькая женщина с седыми, очень коротко остриженными волосами наведальась к господину Фаркасу. Конечно, никто мне ничего не объяснял, но я же не дура: с маленькой женщиной пришли двое вооруженных до зубов полицейских, и она, похоже, была в отвратительном настроении. Все время, пока длился визит, полицейские охраняли этаж, насупившись и не выпуская из рук свое оружие, словно ожидали террористической атаки. Им удалось напугать меня до смерти. Потом женщина ушла вместе со своим эскортом, и вид у нее был еще более упрямый, чем по прибытии. Проводив их до лифта, господин Фаркас вызвал к себе в кабинет финансового директора и похлопал его по плечу с

удивительной фамильярностью. По всей видимости, он был доволен своим днем.

В переходе пахло потом и пылью. Я уже готовилась пройти через турникет, когда услышала приближение поезда. Подумала о Поло, которому твержу каждый день, чтобы никогда не бежал, не догонял поезд. Но ведь Поло-то не работает на господина Фаркаса, и если я плачу студенту Политехнической школы (я точно сказала – Политехнической!) два раза в неделю, чтобы он повторял с ним уроки, так это ради того, чтобы сын мог выбрать себе другую жизнь, не такую, как моя. Так что я рванула как сумасшедшая со своей сумкой, которая свирепо отбивала такт по моей лопатке, скатилась по лестнице, перескакивая через ступеньки, и, когда уже зазвенел звонок, ворвалась головой вперед в вагон в тот самый миг, когда закрывались двери.

– Это ведь не последний, – заметила дама, сидевшая на первом откидном сиденье.

– Знаю, – отозвалась я.

– Опасно все-таки...

– Не хочу потерять работу.

– Понимаю, – заключила она, глядя в пустоту.

Я присмотрелась к своей соседке внимательнее. Что-то меня в ней тронуло. Я постаралась отогнать это ощущение, но нет, невозможно. И вдруг поняла: эта дама похожа на меня. Я повернула голову, оглядела людей вокруг: мы все были похожи друг на друга. У нас, наверное, были разные лица, разный пол, цвет кожи или волос, но у большинства был тот же затравленный вид, та же манера сутулить плечи и распускать живот: мы принадлежали к одной породе, изнуренной одними и теми же битвами.

Пока поезд колыхался на ходу, я считала станции, чтобы прикинуть время. Шесть остановок, потом пять минут пешком или две бегом. Ты успеешь, Марилу. Они их получают, свои драгоценные документы, настолько драгоценные, что тебе

понадобилось проехать полгорода, чтобы их скопировать в «надежном» месте, по утверждению господина Фаркаса. Несколько лишних километров на моем личном счетчике. Капля воды по сравнению с остальным, полтора часа туда, полтора обратно, каждый день между автобусом, метро и скоростной линией. И речи быть не может, чтобы оставить тебе это в наследство, мой Поло. У тебя будут средства на жизнь, я тебе обещаю.

Его голос в моем сердце, его хриловатый голос – сломался раньше времени. Мой мальчик. Он сказал:

– Сама видишь, мама, скоро все кончится, будет уже слишком поздно для нежностей.

– Кончится, Поло?

– Ну, я же совсем вырасту.

Он жалуется на мое вечное отсутствие. Он предпочел бы, чтобы я сидела дома на пособии, говорит, что это все же лучше, чем минимальная зарплата и каторга. Такие слова в его словаре, уже в двенадцать-то лет – это нормально?

– А за твои частные уроки с репетитором как мне платить?

– Они мне не нужны, у меня способности к математике, так сама математичка говорит.

Хуже всего, что Поло прав. Он на удивление хорошо считает. Можно подумать, будто этот мальчуган родился с калькулятором в голове. И вот с высоты своих метра тридцати девяти он втолковывает мне, что занятия со студентом-политехником на самом деле больше всего нужны мне самой. По-своему, конечно: он умеет быть дипломатичным.

– Мне спокойнее, что он с тобой занимается.

– Как раз это я и хотел сказать, мама.

С тех пор как Поло перешел в коллеж, он изменился. У него все те же круглые щеки, нежная кожа, но глаза стали другими. Временами кажется, будто он окунается в людей, в предметы, погружается в них. А в следующий миг – хоп, выдает славную шутку. Потому что он остроумен, мой Поло. Способен и мертвого развеселить, в любой час дня и ночи. Он балансирует между двумя мирами, фантазией и рассудительностью, между бунтом и благоразумием. Задает мне вопросы. Он тоже устал. Ему ехать до школы почти так же долго, как и мне до работы, но по другой причине: рядом с домом он не мог оставаться, это было бы легальным убийством. Так директриса сказала в тот день, когда вызвала меня, этими же самыми словами. Я была потрясена, но она мне не оставила времени поразмыслить.

– Послушайте, я знаю превосходный коллеж, директор мой друг. Для Поло это далекоовато, но оно того стоит, поверьте мне.

Дело решилось меньше чем за пять минут. Я уж и не знала, то ли руки опустить, то ли радоваться. С одной стороны, сама я, как и всегда, ничего не выбирала. Вместо меня решила директриса. А с другой – хоть кто-то решил мне помочь, в первый раз. Я воспользовалась блатом! Привилегией, поблажкой в обход правил! Вообще-то такое со мной не должно было случиться, совсем, но я уж не буду жаловаться, ладно?

А Поло, надо было его видеть – такой гордый, до слез!

Скрежет стали по рельсам. Резкое торможение придавило меня к откидному месту. Должно быть, я брежу, что это, заговор? По вагону разносится голос машиниста: «Дамы и господа, из-за пострадавшего пассажира мы вынуждены остановиться на неопределенное время».

Согласна. На этот раз, Марилу, все пропало. И надо же было, чтобы это случилось со мной сегодня. Со мной. Почему? «Это встреча года, – предупредил господин Фаркас. – Всем быть на своих местах, и чтобы ни один волосок не торчал». Головомойкой он не удовлетворится. Сразу же вышвырнет за дверь, это уж как пить дать. Я уже видела, как он поступил с бухгалтершей в прошлом месяце. Вызовет свою заместительницу по кадрам, ужасную тетку, очень красивую, очень высокую, очень накрашенную. Толкнет меня к ней и скажет: «Уволить немедленно, пусть убирается к черту, не хочу больше ни видеть, ни

слышать эту дуру, иначе повешу на нее серьезный проступок, и тогда распрощается с пособием».

Мне было так жарко. Я не могла дышать. Голова кружилась. Все мечты, все планы пошли прахом. Кино в субботу с Поло. Каникулы на берегу моря этим летом. Запись на дзюдо.

– Вам нехорошо? – спросила дама напротив.

Да, нехорошо, мадам. У меня впечатление, что я сейчас умру. Я десять лет живу в ужасе, что этот день случится, вот он и случился: и это происходит тут, на ваших глазах. Десять лет гнуть спину. Десять лет закрывать глаза и уши с девяти часов утра до шести часов вечера, только бы не замечать, во что я превратилась. Десять лет засыпать вечером, думая, что вот еще один день выигран, Марилу. Я лавировала среди препятствий. Удерживала равновесие. И вот: неверный шаг. Одной ногой попала на ледяную дорожку – это начало конца.

Люди в вагоне комментируют ситуацию.

– Пострадавший пассажир – они всегда так говорят, когда кто-нибудь упал на рельсы.

– Самоубийца, чего уж там. Честно говоря, надо совсем отчаяться, чтобы прыгнуть под поезд.

– Один с моей платформы сиганул, я думал, меня вывернет. Кровищи – аж до самых афиш. Омерзительно.

– Похоже, что такое два раза в неделю случается, вы только представьте!

Дама достала пакетик жевательной резинки и протянула мне.

– Угощайтесь. Неважно выглядите.

Я мотнула головой: страхи лишили меня языка.

– Если вы так беспокоитесь из-за вашей работы, они вам на выходе справку дадут.

Нет мужества ответить. Делиться своими несчастьями – в этом я никогда не была сильна.

– На все надо смотреть с хорошей стороны, – продолжала настырная дама. – Всякий раз, когда меня задерживает какой-нибудь несчастный случай, авария на дороге, например, я думаю, что мне еще повезло, ведь это я могла быть тем раздавленным телом под искореженным железом.

Ради бога, пусть она замолчит. Они там сейчас, должно быть, занимают места в большом конференц-зале роскошного здания рядом с набережными. Господин Фаркас уже решил мою судьбу. И вымещает свою злобу на Мелани, малышке из приемной, которая не удосужилась позвонить, предупредить его, что документы доставлены: и не без основания.

Поезд медленно тронулся. «Движение прервано до нового распоряжения, – слышался голос машиниста. – Все выходят на следующей остановке». Мысль о самоубийстве. Мысль об этом мире, через который я прорываюсь вот уже два часа. Чудовищная пробка, качающийся бомж, сварливый таксист, самоубийца. А вскоре и письмо о моем увольнении. Надо на все смотреть с хорошей стороны, сказала дама. Не вижу ничего, кроме Поло, который сам скоро увидит во мне только сломленную мать-неудачницу, не способную предложить ему то, что он заслуживает.

Мы остановились у платформы. Поезд пустел, освобождаясь от своих последних пассажиров; на какую-то секунду мне захотелось бросить папки под колеса. Хваленые документы с ультраконфиденциальной информацией покончили с собой. Встреча года искромсана в лапшу. Просто ради удовольствия.

– До свидания и мужайтесь, – сказала дама.

Летя стрелой, я могла бы оказаться на месте около десяти минут четвертого. Я не занималась спортом с самого детства, но у меня хорошие физические данные. По крайней мере, хоть с этой точки зрения у меня был шанс: я родилась в то время, когда бедняки еще могли претендовать на здоровье. Мои родители

питались овощами и фруктами, купленными за бесценок на рынке у мелких производителей, и следили за моей гигиеной бдительнее, чем за молоком на огне. Мне не грозило ни ожирение, ни хронический кариес. Я никогда не курила. Была крепкой, выносливой, неистребимой, отнюдь не из тех, кто выхаркивает свои легкие после стометровой пробежки даже в пору отпусков. Давай, Марилу, поднажми!

На улице моему движению мешали прохожие. Откуда выскочила эта бабенка, вся в поту и в мыле, бегущая так, будто от этого зависит ее жизнь? Я бежала, потому что так было надо. Потому что я все еще несла за это ответственность. Я бежала, потому что это было моей работой – доставить эти документы. Зная, что меня ждет, другие на моем месте уже перестали бы надрываться и остановились выпить стакан воды – я была практически обезвожена. Но это было сильнее меня. «Хороша, да слишком глупа», – иногда комментирует Надеж, моя соседка по лестничной площадке, с которой мы иногда пьем кофе, когда Поло нет рядом. Она права, в этом моя проблема, я слишком усердствую. Но мне уже поздно меняться. Да и ради чего? Ради кого? Чем становиться другим человеком, я предпочитаю просто сократить поле своей деятельности и общения. Это моя тактика, чтобы ограничить зло. Не пытаюсь завести друзей. Моя единственная семья – это Поло, а что касается мужчин, то с этим покончено со времени ухода его отца: можно сказать, что он был мне вместо прививки. Честно, друзья, любовники, муж – все это не для меня, тут я не ломаюсь. Пока я одна тащу на своих плечах свою жизнь и жизнь Поло, я предпочитаю избегать зрителей и не отвлекаться.

Спазм. Колющая боль под пупком. Незачем смотреть на часы, я близка к цели.

Поло научил меня одной штуке, которой его научил учитель по дзюдо: изолируй свою боль и заставь ее исчезнуть. Заключи ее в воображаемый круг.

Я добежала до здания. Самое большее через минуту все будет кончено. Господин Фаркас взорвется, а потом все остановится. У меня уже не будет боли в животе. Еще несколько метров, Марилу. Роскошный холл, редкостные растения, итальянский мрамор, консьерж, лифт.

Двери широко раскрыты. Я ввалилась в лифт и нажала на кнопку.

Royal Albert Hall[З - Лондонский королевский зал искусств и наук имени принца Альберта (англ. Royal Albert Hall of Arts and Sciences), или Альберт-холл, – самый престижный концертный зал Великобритании.]

Климатические перепады для нас – просто погибель. Я имею в виду тех, кому за семьдесят пять. Еще одна причина, чтобы выполнить миссию, которую я себе назначил. Наша дорогая система гробит планету такими темпами, что жара может убить меня скорее, чем мой рак. Хотя... Когда Мартен, мой врач, объявил мне несколько месяцев назад о размахе разрушений, должен признаться, что меня проняло. Я больше пятидесяти лет из своих семидесяти восьми колесил по свету, изъездил его вдоль и поперек без малейшей аварии. Даже насморки могу сосчитать на пальцах одной руки. А тут рак, подумать только.

Я был самонадеян: поскольку судьба так хорошо со мной обошлась, я и вообразил, что умру в собственной постели от старости, по возможности, никому не доставив хлопот, начиная с себя самого. Так что поправочка. У бедняги Мартена голос дрожал, когда он сообщил мне свое заключение. Мы не так уж часто видимся, большого повода не было, но я знаю, что он ко мне хорошо относится. В каком-то смысле мы похожи: оба одиночки, оба добровольно избегаем других и самих себя, он в операционной, я на песке больших строек.

– Ну, Альбер, в общем, как бы это сказать, хм... Я выражусь прямо, да, так наверняка будет лучше, верно? Особенно для тебя, ты ведь ненавидишь всякие обиняки, иносказания... Вообще-то для ясности...

– Это рак?

Незадолго до этого меня стала беспокоить какая-то незнакомая боль в области яичек. Я нащупал там какое-то твердое уплотнение. Потом участились нарушения с пищеварением. У меня появились кое-какие догадки. Обследования их подтвердили: рак левого яичка. Пока я не испытывал никакого смятения: всем известно, что это довольно успешно оперируется. И к тому же последствия – в моем-то возрасте...

– К несчастью, есть также метастазы в легком, – добавил Мартен, понизив голос. – Ситуация достаточно...

Серьезная? Пожалуй. Но достаточно для чего? Чтобы ты с завтрашнего утра лег в больницу.

Преимущество семидесяти восьми лет в том, что мне не надо ни отменять заседание, ни переносить подписание договора, ни успокаивать акционеров. А преимущество старика в том, что не придется разочаровывать столь уж многих, ни даже предупреждать их. Все-таки я позвонил Дану. Мы редко видимся, но семья есть семья, разве не так? Дан был мил – или вежлив? Трудно сказать. Хотел мне помочь. Излишнее предложение: после семидесяти восьми лет одинокой жизни уже сам умеешь улаживать свои дела.

Я принял свое решение после нескольких дней лечения, без энтузиазма. Насколько помню, я никогда не чувствовал себя близким к своей сестре. Она уже ребенком была такой – не способной на нежность. Сухая с матерью, подозрительная с отцом, со мной всегда держалась на расстоянии. Она была красивая, белокурая настолько же, насколько я темноволосый, белокожая и тонкокостная; а я приобрел сложение пловца, смуглую кожу и грубоватые черты. Но, несмотря на колючий характер, родители ее обожали, холили и лелеяли, а мое воспитание сводилось в основном к выговорам и наказаниям.

В двадцать два года она вышла замуж за невыносимо самодовольного типа, хотя родители приняли его как героя – он же приручил мегеру, а это вам не пустяк. Мне только что исполнилось двадцать семь, и его появление в моем жизненном пространстве стало для меня сигналом к уходу.

– Я хочу правду, Мартен.

Яснее говоря, я хочу знать, когда сдохну. Не увиливай. Мне нужен как можно более точный прогноз. Никаких «примерно» и «почти». Приведи мне статистику. Валяй. Ты же знаешь, я человек цифр.

Он вздохнул.

– Мы сделали все, что могли, можешь не сомневаться. Но болезнь нас опередила. Если бы нам удалось обнаружить ее признаки раньше, но тут... как тебе сказать, Альбер...

Я предлагаю называть вещи своими именами. Это слово – метастазы – стоит у тебя поперек горла, верно, Мартен? Я и сам никогда не слышал, чтобы его произносили, не понизив голос – все, включая врачей. Так что нет нужды в разглагольствовании, операция на яйцах была всего лишь закуской? Согласен. Теперь перейдем к основному блюду. Ну, давай, объявляй.

– Несколько месяцев. Самое большее год, но это в лучшем случае.

Вот черт. Маловато все-таки. Я считал, что окажусь покрепче. Мой живот выдерживает новость лишь наполовину и завязывается узлом.

О чем думаешь, когда остается всего год, чтобы заставить работать свой мозг, конечности, сердце? Я могу вам сказать, поскольку отныне знаю это. Пропустим фазу страхов, несогласия, неприятия. Конечно, ты какое-то время мечешься, упираешься – тоже не слишком долго. И начинаешь думать о своем СЛЕДЕ, о том, что оставишь после себя. Задаешь себе вопрос: а что от меня останется? От моей души? Предчувствуешь, что после того как будешь обращен в пепел и развеян по ветру, сможешь задержаться в памяти других людей, в лучшем случае, еще на несколько лет. Но не соглашаешься так легко исчезнуть с карты мира – и тогда пытаешься воздвигнуть себе собственный памятник.

Я не построил домашний очаг. Старательно разбивал все свои редкие любовные увлечения из страха, как бы они не уничтожили меня первыми. Все свои силы я вложил в свои архитектурные чертежи, а потом в свое предприятие. Как говорится, я преуспел: до своего последнего вздоха буду ненавидеть это выражение. Истина лишь в том, что я усвоил. Я посетил множество стран, выучил семь языков, прочитал сотни книг, встречался с тысячами людей. Но ничего из всего этого никогда не могло заполнить зияющую пустоту в животе – ощущение, которое исподтишка охватывало меня и чуть не доводило до слез вечер за вечером. Мое имя красовалось гигантскими буквами на фронтонах

зданий в Париже, Вашингтоне, Мадриде и Берлине. Взбиралось голубыми неоновыми огнями на небоскребы Шанхая, Гонконга и Токио. Я был известен, признан, ценим, уважаем. Меня представляли как эрудита, как свободно мыслящего человека и порой даже ставили в пример. У меня больше наград, чем у премьер-министра. Но все тщетно: дыра не затягивалась.

Едва выйдя замуж, моя сестра Клелия произвела на свет мальчика, такого же красивого и белокурого, как она сама, – Дана, к которому моя мать тотчас же вспылала любовью. Мир праху ее, но эта любовь причинила мне такую боль. Говорят, что роль бабушек и дедушек допускает и другую точку зрения, но моя мать за несколько лет предоставила своему внуку больше нежности и внимания, чем мне за всю мою жизнь. Чтобы заслужить ее гордость, я упорно старался попасть в списки лучших учеников, а Дану, чтобы его боготворили, оказалось достаточно просто существовать.

Увидишь ли ты, мама, этот последний поступок, который я посвящаю тебе сегодня? Ради тебя я обеспечу счастье Дана, Клелии и даже ее мужа кретина. Меньше чем через два часа их жизнь перевернется. Они, так плохо скрывавшие свою зависть и досаду, будут теперь пить шампанское и обнимать меня, словно всегда любили. Поскольку все плоды моего труда, моего пота, пролитого за пятнадцать лет, мои произведения искусства, мои счета в банках, моя движимость и недвижимость отойдет Дану и Клелии, и по одной-единственной причине: потому что ты этого хотела.

Если бы только жара не была такой гнетущей. Я планировал пройтись пешком до конторы нотариуса. Хотел почувствовать свои суставы, ощутить почву под ногами, считать шаги, смотреть на решетки, окружающие стволы деревьев, испугивать голубей, поднимать глаза, чтобы случайно обнаружить какое-нибудь архитектурное чудо на фасаде. Но солнце забавлялось тем, что иссушало мне бронхи. Бедняга Альбер, куда делось твое тело атлета? В свои семьдесят восемь лет ты получал удовольствие, ежедневно качая пресс и постоянно увеличивая нагрузку. А через два месяца выдохся уже после двадцатиминутной прогулки.

В нескольких метрах от меня на стоянке ожидало такси. Похоже, сегодня мне везло: обычно в этот час его невозможно найти.

– Вам куда? – сразу же рявкнул таксист, пока я усаживался. – Предупреждаю, в некоторые кварталы я даже не сунусь, нравится вам это или нет.

Я осадил его взглядом: незачем попусту напрягать глотку; чтобы проявить властность, этого не требуется.

– Это я так, к слову, – продолжил таксист. – После сегодняшнего утра с этой жарой и пробками у меня одни неприятности.

На зеркале заднего вида висел, покачиваясь, какой-то на редкость уродливый, мигающий святой Христофор. Я назвал адрес нотариуса.

– Идет, – сказал таксист, трогаясь.

В конечном счете самым болезненным оказалось время после рождения Дана. При каждом из наших телефонных разговоров ты мне жаловалась: «Твоя сестра могла бы подарить мне внучку! У всех моих подруг полно внучат, а у меня только Дан! Господи, ну когда же она решится?»

Ты ни разу даже не предположила, что я тоже мог бы дать тебе это счастье. Раз или два смутно удивлялась, что я все еще остаюсь холостяком, но не более того. Правда, я и не доставлял тебе повода надеяться на что бы то ни было. И все же это простодушное безразличие надрывало мне сердце. С тех пор как стоит мир и если верить книгам и тому, что я сам видел, матери относятся к своим сыновьям всего двумя способами: это либо полное слияние, когда они лелеют их, чуть не удушая, либо самопожертвование и безграничная преданность. Ну почему я стал исключением из правила?

По мере того как мы ехали, движение становилось менее интенсивным: в шикарные кварталы народ валом не валит, так что задержки тут редки. Таким ходом я приеду на добрых полчаса раньше. Однако когда жить остается всего год, не хочется тратить даже полчаса на листание устаревшего экономического журнала в приемной нотариуса.

– Отвезите меня в «Адоре», сделаем передышку.

- Где это?

- В конце проспекта, чайный салон.

Вечно разрываясь между разными часовыми поясами, нескончаемыми заседаниями, селекторными совещаниями, открытием бирж, административными советами и посещениями строек, мое тело отказалось от простых радостей. Например, отведать пирожное и запить бокалом шампанского.

Водитель доставил меня к дверям из кованого железа. Внутри с десяток человек ждали, когда их обслужат, пожирая глазами витрину. Дикая малина, горький шоколад, роза, фисташка, сто вариаций для кревоугодия. Давай, Альбер, прояви оригинальность хотя бы в этот раз: когда впереди остается так мало времени, стоит рискнуть!

- Что угодно, мсье?

- Фиалковый макарон.

Молодая продавщица вручила мне мой трофей.

- А для мадам?

За мной стояла женщина, улыбаясь в предвкушении лакомства - костюм, волосы стянуты в узел, бриллиантовое кольцо, зрелые черты.

- Фиалка, какая удачная мысль: никогда об этом не думала.

- Сожалею, но этот мсье взял последний.

- Ах, - вздохнула женщина. - В кои-то веки решилась...

Я протянул ей макарон.

- Фиалка больше подходит даме. Я возьму «опер?», мадемуазель.

И сел у окна. Снаружи, прислонившись к своей машине, все с той же хмурой физиономией ждал таксист. Дама покинула чайный салон, весело поблагодарив меня жестом. Я видел, как она выбросила обертку в урну и впилась зубами в свой макарон. Потом исчезла за углом улицы.

Вкус шоколада. Шипение шампанского, пенящегося в фужере. Это крестины Клелии, мне всего пять лет. Мама украсила дом, словно сказочный замок: лестница увита плющом и белыми лилиями; лампочки заливают сад волшебным светом, колыбель моей сестры возвышается на ковре из белоснежного гусяного пуха, а с потолка свешиваются гирлянды шелковых цветов, с особым тщанием изготовленных моими тетусками.

Лихорадочное возбуждение, радостные крики, песни. Во всеобщем ликовании никто не обращал на меня ни малейшего внимания. Ужасно одинокий, я слопал половину фигурного торта, прежде чем меня вырвало, а потом потерял сознание и упал головой под колыбель.

– Еще что-нибудь, мсье?

– Счет, пожалуйста.

Я снова сел в такси. Водитель слушал новости по радио. «Драматический взрыв в здании на берегу Сены, – репортер от возбуждения почти кричал. – Точное количество жертв пока неизвестно. Команды спасателей на месте, а также полиция, которая проводит предварительное расследование, чтобы определить причину трагедии».

– Со всех сторон обложили, – прокомментировал таксист. – Опять арабы шалят.

Голос репортера продолжал: «Гораздо больше повезло мужчине в парижском метро – бросившись на рельсы, он остался жив, отделавшись простыми переломами».

– Пф-ф! Надо было просто башку себе прострелить – и никаких чудес! Это я вам гарантирую.

«По прогнозам синоптиков в конце дня может разразиться гроза с сильным ливнем».

– Высадите меня здесь, – приказал я таксисту, прежде чем тот успел добавить еще одно тонкое замечание.

Поднялся легкий ветерок, сделав воздух пригодным для дыхания. Я закончил путь пешком, без всяких затруднений, довольный тем, что смог хоть немного побыть в одиночестве. Улица была тихой, тенистой – лишь столетние деревья да богатые дома. Жизнь здесь, наверное, была безнадежно спокойной и в лучшем случае оживлялась появлением хорошо воспитанных школьников, спорящих из-за полдника, или тьяканьем миниатюрных собачек, которые так нравятся обеспеченным старичкам. В общем-то идеальное обрамление для нотариальной конторы.

Мне не пришлось звонить: дверь была приоткрыта. Внутри царил интенсивная деятельность, которая контрастировала с пустынностью улицы. В странной тишине торопливо сновали клерки с охапками документов в руках, глядя себе под ноги. Толстое напольное покрытие, обои на стенах, приглушенный звук телефонных звонков – все тут, казалось, было рассчитано на то, чтобы избежать малейшего шума. Мне вдруг стало не по себе.

– Подождите в салоне, – предложила девица у стойки в приемной. – Мэтр Жамбер на несколько минут задерживается.

Я направился к двойной белой двери. Уже собираясь ее толкнуть, я вдруг услышал резкий голос Клелии.

– Жаль, что папы и мамы уже нет, – сказала она. – Вот бы порадовались.

Может ли такое быть, чтобы мы с ней в итоге разделяли одну точку зрения?

– Не дели шкуру неубитого медведя, – услышался голос Дана. – Мы пока ни в чем не уверены.

– А зачем, по-твоему, он нас позвал сюда? В любом случае, кроме нас, у него никого нет.

– Мы никогда не были близки, – продолжил Дан. – Особенно вы двое.

– У нас имелись основания, – отозвалась Клелия.

– Как бы там ни было, это все равно что Рождество до срока, – внезапно подал свой писклявый голос шурин. – Ты хоть представляешь – а если бы твои родители взяли другого? Из соседней колыбели.

Я отпрянул на шаг. Инстинктивно. Но один шаг ничего не менял. Я все превосходно слышал.

– Я знаю людей, – сказал Дан, – первый мальчишка, которого им подсунули, оказался дауном. Они только через два месяца заметили. К счастью, это было за границей: они смогли его вернуть. Ужасно говорить такое, но не будем лицемерами – я на их месте сделал бы то же самое.

Слова сдавили мою грудь. Дыши, Альбер.

Взгляды моей матери. Моей матери? Вспомнились забытые фразы. «Ты не знаешь, как тебе повезло», «Бывают же неблагодарные!»

Пустота в животе. Немногим удастся дважды за свою жизнь узнать, что они лишились родителей.

Дыши еще, Альбер. Ты ведь не сдохнешь сейчас, нет? Тебе предстоит сделать кое-что получше, парень. Десять минут назад ты чувствовал себя так, будто один в целом свете; отныне ты знаешь, что и был таким. Но сейчас кое-что изменились.

– Ладно, – сказал мой шурин. – Куда он к черту подевался, этот Санта-Клаус? Хочет помариновать нас подольше, так, что ли?

Я вошел.

– Добрый день всем. Очень рад вас видеть.

Dear Prudence[4 - «Dear Prudence» (русск. «Дорогая Пруденс») – песня группы «Битлз» из «Белого альбома», написанная Дж. Ленноном.]

Внезапно мой живот издал странный звук. Металлический и невнятный. «Музыка», – говорил в таких случаях мой дедушка, не способный выразиться иначе, кроме как поэзией. У него для всего находилось объяснение или истолкование. Без излишнего высокомерия и уверенности. Когда я удивлялась его прозорливости, он отвечал, что всего лишь посредник. Без особых заслуг, по его словам, потому что это знание досталось ему от родителей, а они получили его от своих, и так далее.

Увы, эта блестящая цепь на мне оборвалась: у меня ни на что нет ответа. Я извожу себя сомнениями и страхами. Анализируя мир, выискивая малейшую ошибку, разоблачая хитрости, я потеряла веру во все – начиная с себя самой.

И не Клара Про изменит тут что бы то ни было. По меньшей мере раз в месяц она находит средство обескуражить меня: «Чего ты хочешь, моя дорогая Прюданс, если бы это зависело только от меня, я бы позволила тебе возглавить это дело, но вообще-то... ты же сама знаешь...»

И она умоляет меня проявить понимание. Утверждает, что, в конце концов, обязательно назначит меня, будто ей надо давать отчет какой-то высшей инстанции, будто не она сама тут хозяйка, босс, мадам генеральный президент-директор... Но оставим в стороне это сокровище криводушия.

Я семь лет проработала в этой адвокатской фирме, достаточно, чтобы смириться. Впрочем, если говорить честно, не Клара за это ответственна: мое самоотречение началось гораздо раньше, еще в коллеже.

Раньше, о, раньше! Тогда все было по-другому. Жизнь, расцвеченная радостью и любовью. Наивные очевидности, чистая дружба, безмятежные дни. Каждый вечер стайка девочек рассаживалась вместе со мной у ног моего дедушки, чтобы послушать истории, наполненные благородными чувствами, доброжелательными натурами, таинственными саваннами и храбрыми детьми. Каждый вечер, когда шушуканье взрослых сплеталось в тихую музыку, я с наслаждением засыпала, спеша окунуться в ночь. «Принцесса Прюданс рифмуется с «шанс» и «провиданс» – с удачей и провидением», – шептал мне дедушка, глядя меня по голове.

Зачем они скрывали от меня правду? Зачем позволяли так мечтать?

В день, когда мне исполнилось одиннадцать лет, мир омрачился. Ты умер. Я не могла с этим смириться. Похоже, что я осталась в одиночестве: и твои друзья, и твоя собственная семья считали твою кончину совершенно естественной – ведь тебе было уже за восемьдесят пять. Ты хорошо пожил. Не боялся уйти. По их мнению, тебе даже чертовски повезло: умереть вот так, внезапно, не страдая, – чего еще желать?

Ну да, как же. Уж я-то знаю, что ты не рассчитывал покинуть меня так скоро. Не похоже на тебя – оставить свою внучку в руках судьбы так внезапно и к тому же без предупреждения. Смерть застигла тебя врасплох, и я только надеюсь, что ты успел построить ей одну из своих замечательных ужимок, секретом которых обладал только ты. Они меня так смешили.

Мы уехали из Дакара. Мама напрасно притворялась перед другими, что все в порядке: у нее на сердце было слишком тяжело, чтобы идти по твоим следам, пить из твоей маленькой стеклянной кружки, поливать твой сад. Ей стало невмоготу искать твое отражение в зеркале, висящем над зеленым диваном. Мы прижимались друг к другу, пряча свои слезы. Так больше не могло продолжаться: она решила уехать. Тут-то и начались мои неприятности.

– Держи, вот твои копии, – бросила мне Виктуар вместе с договорами.

Я быстро провела пальцем по оранжевым обложкам.

– А приложения?

– Приложения? – переспросила эта лицемерка. – Сожалею, мне некогда этим заниматься. Клара будет с минуты на минуту; она попросила меня подготовить ей договор «Реальпрома».

Виктуар наклонилась и поскребла свой каблук-шпильку.

– Вот дерьмо, опять жвачка прилипла. Паскуды тупорылые, урнами пользоваться не умеют.

Она так же красива, как глупа и плохо воспитана. Хотя надо признать – исключительно красива. И к тому же ее зовут Виктуар – победоносное имя. Это позволяет любые дерзости, побуждает к невозможному, а отнюдь не подавляет, как Прюданс. Бедняжка Прюданс.

– Виктуар и Прюданс, «Победа» и «Осторожность» – признайте, с вами двумя я надежно упакована, – шутит Клара.

Она любит вульгарные выражения, которые идут ей, как английской королеве ковбойские сапоги. Ее умозаключения порой так нарочиты, что я иногда даже задавалась вопросом: а не взяла ли она меня на работу только из-за моего имени? В конце концов, почему бы и нет: и так вполне ясно, что она наняла меня, чтобы потешить собственное эго.

– Уж я-то знаю, чего ты стоишь, Прюданс, но, честно говоря, я здорово рисковала – мы ведь можем говорить друг другу такое, верно? Не все похожи на меня, Прюданс. Много ли ты видела цветных у конкурентов? Да к тому же на главной руководящей должности? Но такая уж я. Мне плевать на нетерпимость.

Многие на моем месте вышли бы из себя, стали бы кричать, возмущаться, грозить. Но не я. Наверняка это мое имя виновато. Я предпочитаю прикрыть себе тылы. Жить с этим, смотреть в сторону, делать вид, будто ничего не слышала,

продолжать улыбаться. Чтобы забыть свою трусость, я перебираю визитные карточки. Все-таки я не пустое место. Дедушка, если бы ты все это видел. Мой кабинет на самой шикарной улице города. Здание с частным садом, стойка регистрации тиковая, а за ней девица в шикарном костюме. У меня ежедневник в кожаной обложке с моими тиснеными инициалами. Я пишу на бьюваре ручкой «Дюпон», подаренной Кларой Про после дела Дильмана (треть трехмесячной прибыли фирмы и добрых два десятка бессонных ночей в моем активе). Я одеваюсь на заказ.

– Вообще-то я тебе разве не говорила? Я нашла себе туфли. «Маноло Бланик», заметила их в «Воге». Клянусь, они такие божественные, что я даже сомневаюсь, брать ли их – в конце концов, все будут пялиться только на мои ноги...

Виктуар выходит замуж следующим летом: это главная тема ее разговоров. С утра до вечера, как только подворачивается случай, она говорит мне о своем платье, о своем кулинаре, о своем флористе, о своем свадебном путешествии, о своем организаторе свадеб. Реже о своем женихе, которого я иногда встречаю, когда он заходит за ней: трейдер с лицом манекена – короче, красивый, богатый и из хорошей семьи – превосходное дополнение к Виктуар, следовательно, тоже полный идиот.

О-ля-ля, осторожнее, Прюданс: ты завелась, это уже похоже на язвительность. Ну что ж, может, так оно и есть. В моей-то жизни нет трейдера. Впрочем, у меня и мужчины-то нет. Нет на него времени. Нет места. Где и когда я могла бы его встретить?

Я не жалею: временами поддерживаю жизненный тонус благодаря своим молодым родственникам из предместья. Забавно, нам всем приходится ехать через окружной бульвар. Мы так хорошо по нему распределены, что, в конце концов, дали друг другу прозвища по названиям городских ворот: я, например, Пасси, самая обеспеченная в группе. В общем, мы собираемся два раза в месяц, едим, пьем, подводим кое-какие итоги наших жизней. Обо мне говорим редко, я всегда приезжаю слишком поздно, так что веду разговоры уже в дороге. Однако в последний раз Орлеан, которая учится на актрису и недавно справила свое двадцатилетие, решила заинтересоваться мной.

– Смешно, ты вечно опаздываешь. И все ради чего? Или, скорее, ради кого? Тебе не надоело надрываться, в то время как остальные вовсю пользуются твоим трудом? Это же чистейшее современное рабство! Ты еще уборку делай твоей Кларе!

Настоящая профсоюзная активистка: позиция, гневные речи, все такое.

– Легко быть идеалисткой в твоем возрасте, – ответила я.

– Особенно легко отделяться штампами. Собственно, ты что, рассчитываешь дождаться пенсионного возраста, чтобы начать жить?

– Признай, что бросаешь свою жизнь на ветер, – добавила Итали, моя любимая кузина. – Такая красавица, как ты, и зря пропадаешь.

– Эй, полегче, – вмешался Баньоле, довольно красивый мальчуган, эксперт-бухгалтер в крупной компании. – Прюданс упорно работает, и смотри, чего она достигла.

– Я как раз это и говорю, – пробормотала Орлеан.

Слезы навернулись мне на глаза. Однако, знает Бог, как давно я научилась контролировать свои слезные железы. Орлеан такая живая, такая невинная, так полна надежд. В конце концов, не мне ее обламывать. Жизнь сама этим займется, рано или поздно.

– У каждого свои проблемы, – заключила я.

И осушила свой бокал одним духом.

Виктуар наострила лыжи, точнее, свои высоченные каблуки. И как только ей удастся ходить на них, а главное, с такой непринужденностью? Если бы она не надувала так губы и меньше вертела задницей, выглядела бы почти ангелом. Жаль, мелочи все губят: она похожа не на ангела, а на вульгарную кокетку, и это я еще вежлива.

Возврат к документам. Мой живот снова застонал, требуя еще чего-нибудь помимо чашки зернышек, проглоченных поутру. Взгляд на часы: слишком поздно, чтобы предпринимать что бы то ни было. Через полчаса ввалится Клара, а я еще не закончила свои заключения.

- Ах да... Вообще-то, Прюданс, я совершенно забыла... какая дура.

Виктуар двинулась обратно, нелепо потряхивая блестящими волосами, как в фильмах «отстойной» категории Z. Озабоченная.

- Поторопись, пожалуйста, я опаздываю.

- Это Клара. Она позвонила сегодня утром, чтобы тебя предупредить, но ты говорила по телефону, и тогда я приняла сообщение. Есть проблема: тип, который выгуливает ее Боба, заболел.

- А я-то тут при чем?

- Она тебя попросила... ну... в порядке исключения... Не могла бы ты этим заняться?

Дыши, Прюданс. Спокойнее.

- Должно быть, я плохо поняла.

- Только сегодня. Знаешь, у Боба проблема: он должен бегать по часу каждый день.

- Виктуар, останови меня, если я ошибаюсь: я ведь восемь лет училась?

- Конечно, но вопрос не в этом.

- Погоди-ка, еще кое-что. Ведь я – поправь меня, если это заблуждение, – генеральный директор этой фирмы?

- Да, Прюданс, но послушай...

- В таком случае, почему Клара просит меня выгулять Боба?

- Понимаешь, она рассматривала все возможности, ей это и в самом деле было неприятно, уверяю тебя.

- Ладно. Значит тебе, простой делопроизводительнице, - это я вежливо напоминаю, - она ничего такого не предложила. Ни охраннику здания. Ни своей матери, ни брату, ни лучшему другу Боба, черт подери!

Распрекрасная блондинка бледнеет. Я позволяю пройти нескольким секундам в тишине, чтобы она лучше усвоила.

- Что-то от меня ускользает, Виктуар.

Она молчит. Обмозговывает. Это крутится в ее голове - она умеет сортировать информацию, обобщать, делать некоторые выводы, но это дело явно превосходит ее возможности. Она теряет почву под ногами.

- Ну...

Вдруг ее лицо проясняется.

- Это наверняка потому, что она тебе доверяет.

Я ее зондирую. Хотела бы я стать микроорганизмом, который прогуливается по ее извилинам, воспользоваться вскипанием ее мозга, чтобы изучить дело вблизи. Ну же, Виктуар, маленькое усилие.

- Я хочу сказать... Ах да, ты же сама можешь ее об этом спросить. В конце концов, она вот-вот будет здесь.

И она убегает к двери. Внутренне поздравляет себя. Успокоенная. Она нашла решение: возврат к отправителю. Дело сделано, никакого ущерба не

предвидится. Мы обе знаем: «Осторожность» из осторожности не задаст никакого вопроса. И все-таки, что ответит Клара?

«Ну же, Прюданс, только без паранойи, пожалуйста, я прошу тебя о дружеской услуге, ты же знаешь, как Боб мне дорог, бедняга Боб, без упражнений его хватит инфаркт, если бы я могла, я бы сама его выгуляла, но невозможно, сегодня у меня встреча насчет «Реальпрома»! Я буду защищать ТВОЕ дело, Прюданс, буду поддерживать ТВОИ аргументы, развивать ТВОИ доказательства!»

В одиннадцать лет происходят странные события. Тело начинает меняться, у девочек округляются попки (у всех, кроме Виктуар и ей подобных – эти приобретают только строго необходимые формы). Растут груди, и не всегда обе одновременно. Мальчишки чувствуют себя наделенными безграничной властью. Они мельче, но сильнее и лучше организованы. Они умеют засекать слабых, раненых, пугливых. Их гормоны принимаются вопить, и гвалт, который они производят, заглушает девчоночьи жалобы.

В одиннадцать лет мальчишки превращаются в чудовищ. Не все, но остальные не в счет, да и с чего бы: они где-то витают, с головой погрузившись в свою частную вселенную. Или же это слабаки, которые в лучшем случае помалкивают, в худшем следят и смотрят. В одиннадцать лет понятие благородного рыцаря исчезает после стольких лет славного существования, и снова появляется, да и то в случае необходимости, только в лице.

Оказавшись перед ниспровержением бывшего мира, девочки организуют союзы. Некоторые выстраивают стратегии. Одни борются за место вожака, другие меняют свое новехонькое тело на немое и напрасное обещание любви. Большинство объединяются в маленькие сплоченные ватаги, внутри которых бушуют страсти и множатся измены.

Я поступила в коллеж в одиннадцать лет, и это было так, словно небо внезапно заволочло тучами. Я оказалась единственным чернокожим ребенком в школе. Мне давали прозвища, иногда шутили, когда я проходила мимо, но в основном игнорировали. Я уже не была Принцессой Прюданс, но и не стала такой же ученицей, как остальные, – я была странным звеном в своем классе. Другие девочки щеголяли в платьях по цене велосипеда. Красились на переменах и

приглашали друг друга на праздники, а меня никогда никуда не звали. У них были запутанные любовные истории, о которых они рассказывали, подробно и не стесняясь. Уходили после уроков парами. Я же оставалась одна. Сама понимаю, что оказалась не на высоте.

Однажды утром одна из них подошла ко мне на перемене.

– Прюданс, нам надо поговорить.

– Да?

Она была самой популярной в школе. Самой развязной. Ее звали Лори, она носила широкие брюки и ободки со стразами. Это была королева класса, важная особа. Ко мне она редко обращалась. Я слишком отличалась от них, чтобы меня приняли в ее группу. Была непонятной. Однажды, когда я оказалась поблизости, она бросила со смехом: «Да слабо ей! С этой ее прической под «Джексон Файв»[5 - The Jackson Five - американская поп-группа, существовавшая с 1964 по 1989 г. В ее состав входил совсем юный Майкл Джексон с братьями.] – никогда!» В том, что тебя принимают за пустое место, есть и свои преимущества – повсюду проходишь незамеченной и слышишь кучу всякой всячины, которая не предназначена для твоих ушей.

Лори смакует свой эффект.

– Видишь ли, Антонен...

Антонен из категории слабых-но-милых, скорее молчунов. Он в пятом классе. Я нахожу его очень красивым, потому что у него веснушки, а веснушки меня чаруют. К тому же у Антонена хорошие отметки, а это в моих глазах основной критерий. Ладно, но приплетать Антонена к моему имени – это уже научная фантастика.

– Да?

Напрасно я увещевала саму себя, молча угрожала себе, даже бранила, но мое глупое сердце вдруг заколотилось – две тысячи ударов в час. Лори рассматривала мою бархатную юбку.

- Ты ему очень нравишься.

Что? Погоди-ка, Лори, давай потише, а то ведь так можно и сердечный приступ схлопотать в одиннадцать лет, верно?

- Кто тебе это сказал?

- А сама-то как думаешь?

Мне так жарко, что я могла бы грохнутья в обморок, но я концентрируюсь, бросаю в битву все свои силы. Держаться как можно непринужденнее. Выходит, вчера мне не приснилось, когда я поймала на себе его взгляд?

- Он хочет гулять с тобой.

- Ладно, я согласна.

Надо быть чокнутой, чтобы сказать нет! Рука Антонена в моей. Мы снимемся в фотоавтомате, щека к щеке, и его веснушки отпечатаются на моей коже. Буду уходить вместе с ним из школы. Он объяснит мне математику. Я стану лучшей в классе, и все благодаря ему. Он будет моим первым и последним – самая прекрасная история в коллеже. Антонен и Прюданс, Прюданс и Антонен.

- Не слишком-то увлекайся, – продолжила Лори. – Гулять-то с тобой он хочет, но есть условия.

- Вот как?

Я могу даже отдать ему свою авторучку с посеребренным пером, самое ценное, что у меня есть. В любом случае, все мое принадлежит ему – это мое представление о паре.

- Вот первое: дашь ему себя щупать – сиськи и все такое. А второе: это должно остаться в секрете.

Шум школьного двора вдруг смолкает. Я слышу только кровь, которая стучит в висках.

– Это значит, – продолжает Лори, – что при других вы ничего показывать не будете. Будешь вести себя как раньше, без изменений. Вроде как между вами и нет ничего. Эй, Прюданс, ты меня слышишь?

В моих глазах вспыхивают фейерверки – белые, зеленые, желтые. Прюданс вся обмякает. Лори бросается ко мне и подхватывает, когда мои ноги подламываются. Одной рукой прижимает меня к стене, другой шлепает по щекам. Она не из тех, кто теряет хладнокровие. Ей не нужно, чтобы в это вмешался школьный надзиратель.

– Слушай, – заключает она, – похоже, предложение тебе не подходит. Я всего лишь хотела оказать тебе услугу. Но раз тебя это не интересует, тем хуже. Хотя, если хочешь мой совет, подумай все-таки. Немало девчонок хотели бы гулять с ним.

Звенит звонок, отскакивая от стены к стене. Начало урока французского.

– Пора идти, Прюданс.

Виктуар исчезла, но после нее остался запах, затопивший всю комнату. Я открываю окно, к черту кондиционер. Вливается воздух, проникает повсюду, вычищает мой кабинет от присутствия Виктуар, вытесняет ее, стирает. Этого недостаточно. Меня подташнивает. Мой взгляд уже не отрывается от оранжевой обложки документов. Мозг заклинило, у меня только одно слово в голове, которое лает, лижет меня, кусает: псина. Я встаю и иду к стене. Над упраздненным камином – старинное зеркало, купленное Кларой. Подхожу к нему. Наклоняюсь. Вспоминаю о замечании Итали. Я в самом деле красивая? Мои волосы заплетены туже, чем обычно, и собраны в узел, чтобы справиться с жарой. Неужели я схожу с ума? Тяну носом, запах меняется. Он меня пугает. Я сама себя пугаю. Закрываю окно; запах растекается, обволакивает меня, уплотняется: это уже не духи Виктуар, это зловоние отречения от себя. Я воняю трусостью. Как я не почувствовала этого раньше? Мне стыдно. Стыдно перед теми, кто верил в меня, перед теми, кто верил, что любит меня. Стыдно перед мамой, перед дедушкой. Стыдно перед детьми, которых у меня никогда не будет, клянусь.

Я складываю документы в стопку. Мне остается написать короткое обобщение, но мне уже плевать, пускай Клара берет, что есть. Она разозлится, пригрозит уменьшить мой бонус. Очень хорошо. Что бы мне упомянуть в своем заявлении об увольнении? Трижды ничего: то есть самое главное. Излишек. Боб. Набросать несколько фраз, которые я вручу ей в собственные руки, потому что она должна зайти за документами. Это избавит меня от ожидания ответа по почте. Как она отреагирует? Возможно, пожмет плечами. Не строй себе иллюзий, Прюданс. Она не узнает ничего нового, поскольку ей и так уже все известно. Мое единственное утешение в том, что она обо мне пожалеет: с некоторой точки зрения, я незаменима.

Я закрыла свой ежедневник, когда зазвонил телефон, и рефлексивно сняла трубку.

- Прюданс?

- Клара, это ты?

Я ее едва узнала. У нее была такая дикция, словно ей в рот засунули кляп.

- Прюданс, произошло что-то ужасное.

А-а. Боб попал под грузовик? Ты сломала ноготь? Потеряла солнцезащитные очки, забыла банковскую карту в банкомате, и ОЧЕНЬ опаздываешь, так что звонишь мне, чтобы я принесла тебе документы к месту встречи?

Бедная Клара, тебя ждет разочарование.

- Прюданс, ты меня слышишь? Мне трудно говорить.

- Слышу, Клара.

- Я в больнице.

- Прости?

- В боль-ни-це! - кричит она, раздражаясь. - У меня ЧУДОВИЩНАЯ аллергия. Я распухла, стала раза в три толще и вся покрылась красными пятнами.

- На что аллергия?

- На фиалку, в общем, похоже на то, это может быть только она. Я купила себе макарон у Адоре, дурацкая затея, короче, неважно. Господи, я похожа на чудовище!

- Мне жаль.

- Ладно, Прюданс, я звоню не для того, чтобы меня жалели, - выговаривает она с трудом. - Проблема в том, что я не смогу прийти на эту встречу насчет «Реальпрома». Вместо меня пойдешь ты.

Потрясение лишает меня дара речи.

- Прюданс, ты здесь? Ну же, не беспокойся, я уверена, что ты прекрасно справишься.

Она говорит со мной, как мать с ребенком, который впервые один едет на автобусе.

- Объяснишь ситуацию Версини. Скажешь ему, что уже к вечеру я буду на ногах. Что со мной можно связаться по мобильнику.

Мысли скачут в моем мозгу со скоростью мячика для сквоша. Ситуация только что радикально изменилась, Прюданс. Введи новые данные и быстро переформулируй задание. Похоже, момент настал.

- Прюданс? Скажи что-нибудь. НАДО провести эту встречу. Какие-то проблемы?

Думать быстро. Соображать.

- Никаких проблем, Клара. Надо только уточнить с тобой одну деталь.

Я встретила Антонена у дверей класса. Он остановил меня жестом. Удостоверился, что мы одни. Точнее, что никого из коноводов поблизости не было, ни Лори, ни Стана (ее мальчишеского эквивалента), и никого из их приближенных. Одна его прядь свешивается на левый глаз: он похож на парня из американского сериала, который мама смотрела еще до того, как мы переехали. До чего же красив. Рядом с ним я чувствую себя совсем маленькой. Совсем черной. Понимаю, почему у него нет желания выставляться напоказ вместе со мной. Найдутся толпы девчонок, которые больше подходят ему. Светлоглазые, с прямыми волосами, а не черномазые с прической под «Джексон Файв».

– Лори тебе сказала? – шепнул он.

Не важно. Блондинкам, должно быть, не хватает доводов, и вот вам доказательство. Антонен ждет моего ответа.

– Ладно, тем хуже, – говорит он разочарованно, а у меня просто язык отнимается от волнения. – Я так понимаю, это «нет». Ну, тогда мне пора, у меня физика.

Он слегка встряхивает головой, чтобы вернуть прядь на место.

– Чао, Прюданс.

Его класс этажом выше. Он удаляется. Он уже в конце коридора. Еще секунда, и он исчезнет с моих глаз. Я бормочу:

– Это «да».

Незачем сообщать всему свету, и так понятно, что об этом подумают. Мое-то мнение уже составлено. Я дрянь, скороспелая шлюха, полное ничтожество. Мне плевать. Когда голоден, ешь, что дают, говорил мой дедушка. Как раз это я и собираюсь сделать.

– Виктуар?

– Да, Прюданс?

- Можешь зайти на минутку, если тебе не трудно?

- Иду.

Ground Control to Major Tom[6 - Наземный контроль майору Тому «Ground Control to Major Tom» - слова из песни Дэвида Боуи «Space Oddity».]

Я любовался ею какое-то время. Она приняла странную позу - но разве сама она не была совершенно странным существом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/valeri-tong-kuong/providenie/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

Название песни известного французского автора-исполнителя Мишеля Польнареффа.

2

Академия – название учебного округа во Франции, как правило, совпадающего с границами департамента.

3

Лондонский королевский зал искусств и наук имени принца Альберта (англ. Royal Albert Hall of Arts and Sciences), или Альберт-холл, – самый престижный концертный зал Великобритании.

4

«Dear Prudence» (русск. «Дорогая Пруденс») – песня группы «Битлз» из «Белого альбома», написанная Дж. Ленноном.

5

The Jackson Five – американская поп-группа, существовавшая с 1964 по 1989 г. В ее состав входил совсем юный Майкл Джексон с братьями.

Наземный контроль майору Тому «Ground Control to Major Tom» – слова из песни Дэвида Боуи «Space Oddity».

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/valeri-tong-kuong/providenie-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)